

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.17>

Ковлеков Кирилл Иванович

Образ автора в рамочных компонентах и конвенциях японского реинкарнационного фэнтези

Цель исследования - выявить образ автора японского реинкарнационного фэнтези - литературной формулы, зародившейся в Интернете начала 2010-х гг. в виде веб-романов и получившей широкое распространение в массовой культуре Японии. В статье рассматриваются рамочные компоненты произведений, а также их основные конвенции в контексте изучения образа автора. Научная новизна работы заключается в применении сочетания рамочных компонентов и конвенций для раскрытия образа анонимного автора современного японского фэнтези. В результате исследования выявлены особенности определения образа автора японского реинкарнационного фэнтези, отражающие тенденцию самоидентификации на национальном и личном уровнях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/11/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 78-82. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Theme of Fate and Freedom in R. P. Warren's Novel "Band of Angels"

Belova Sofja Aleksandrovna

MIREA – Russian Technological University, Moscow
sofya.shutova.89@mail.ru

The article examines the theme of freedom in the American writer Robert Penn Warren's novel "Band of Angels" (1955). The paper aims to prove that the theme of identity is an ideological and philosophical dominant of R. P. Warren's prose. Scientific originality of the study lies in the fact that the novel "Band of Angels" is for the first time analysed taking into account the author's interpretation of the theme of freedom and fate. The findings indicate that the motive of predetermination correlates with the motive of an individual's personal responsibility: the personages recognize that freedom can't be granted, it must be conquered. To achieve freedom means to reconcile with the past, to accept one's dark side.

Key words and phrases: R. P. Warren; American novel; motive; theme of freedom; theme of fate.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.17>

Дата поступления рукописи: 10.10.2020

Цель исследования – выявить образ автора японского реинкарнационного фэнтези – литературной формулы, зародившейся в Интернете начала 2010-х гг. в виде веб-романов и получившей широкое распространение в массовой культуре Японии. В статье рассматриваются рамочные компоненты произведений, а также их основные конвенции в контексте изучения образа автора. **Научная новизна** работы заключается в применении сочетания рамочных компонентов и конвенций для раскрытия образа анонимного автора современного японского фэнтези. **В результате** исследования выявлены особенности определения образа автора японского реинкарнационного фэнтези, отражающие тенденцию самоидентификации на национальном и личном уровнях.

Ключевые слова и фразы: образ автора; формульная литература; японское реинкарнационное фэнтези; веб-роман.

Ковлеков Кирилл Иванович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
aevin.laelist@gmail.com

Образ автора в рамочных компонентах и конвенциях японского реинкарнационного фэнтези

Актуальность темы исследования обоснована выбором в качестве объекта исследования образа автора японского реинкарнационного романа, который, помимо анонимности, выступает также исходной позицией для литературных и культурных процессов Японии. Это обусловлено основополагающей ролью романов в появлении многочисленных манга-, анимэ-адаптаций, компьютерных игр. Для достижения цели исследования – выявления образа автора – поставлены **задачи:** рассмотреть культурный контекст существования японского реинкарнационного фэнтези, рамочные компоненты романов, основные конвенции литературной формулы. Исследование основано на общенаучных **методах** объективности, сравнения, структурно-функционального и культурно-исторического подходов.

Теоретической базой работы послужили труды японских исследователей современной японской массовой литературы [8], Дж. Г. Кавелти [3], И. А. Широковой [2].

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы при составлении учебных курсов по востоковедению и филологии. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий по изучению массовой литературы, а также современной японской литературы.

Массовая литература XXI века многолика и разнообразна. Среди произведений, относящихся к ней, своей самобытностью выделяются японские произведения в жанре фэнтези. Одной из его разновидностей является японское реинкарнационное фэнтези, главный герой которого – рядовой японец, перерождающийся после своей смерти в ином мире (зачастую в мире меча и магии), где его ожидают самые различные приключения, невзгоды и соблазны.

Первые произведения реинкарнационного фэнтези появились в японской литературе в начале 2010-х гг. и быстро завоевали популярность в молодежной среде в формате веб-романов – произведений, бесплатно публикуемых в глобальной сети Интернет. За одно десятилетие сотни романов начинающих писателей, посвященные тематике реинкарнации, образовали конкурентную среду, в которой лишь единицам из сотен авторов удается войти в тренд, взойти по количеству просмотров на верхние ступени рейтингов литературных веб-сайтов. Популярность естественным образом привлекает внимание издательских домов, которые предоставляют авторам возможность коммерциализироваться, опубликовав свое произведение в формате *ранобэ* (от яп. *райто-нобэру* – «лёгкие романы») – типе печатного серийного издания, снабженного иллюстрациями

и обладающего свойством мультимедийности. Иными словами, *ранобэ* обладает возможностью получить дальнейшую адаптацию в манга, анимэ, компьютерных играх. Существование литературного произведения в нескольких медиаформатах в контексте массовой культуры составляет *медиамикс* [8, с. 2, 12-13].

Японское реинкарнационное фэнтези еще практически не изучено и мало освещено в научной литературе. При этом следует отметить ряд работ японских исследователей – Сэнко К. Майнард, Итиянаги Хиротака и других, посвященных изучению смежной темы – *райто-нобэру*, к которому реинкарнационное фэнтези отчасти относится. В целях же более детального исследования и выделения особенностей реинкарнационного фэнтези имеет смысл, прежде всего, обратиться к выяснению образа автора данного типа произведений. В современном отечественном и зарубежном литературоведении проблеме образа автора произведения уделено значительное внимание. Имеющиеся точки зрения и идеи по этой проблеме варьируют в диапазоне от полного отрицания роли автора (Р. Барт) до сведения образа автора преимущественно к языковым компонентам (В. В. Виноградов) [4]. В преломлении проблемы образа автора по отношению к оценке авторов реинкарнационного фэнтези наиболее подходящим может служить подход к определению образа автора как «основной категории текстообразования, определяющей все элементы структуры текста: тему, идею, композицию, отбор и организацию языковых средств» [1, с. 275].

Анализ образа автора японского реинкарнационного фэнтези может быть осуществлен с применением подхода «рамочных» компонентов, описанных, например, в работе отечественного литературоведа И. А. Широковой [2]. Выяснение образа автора требует также учета закономерностей существования самих произведений. Характеристика реинкарнационного фэнтези может быть дополнена подходом литературных формул зарубежного исследователя массовой литературы Дж. Г. Кавелти [3]. Согласно его мнению, группа тематически и культурно однородных литературных произведений в определенном промежутке времени имеет свои конвенции, стандартные элементы и инвенции, авторские импровизации на основе стандартных элементов произведения, которые могут выражаться через структурные, композиционные, стилистические, тематические и иные элементы. Сочетание подходов И. А. Широковой и Дж. Г. Кавелти может раскрыть образ автора реинкарнационного фэнтези с позиций выявления авторской воли в произведении не только с точки зрения рамочных компонентов, но и с точки зрения основных образующих композицию конвенций.

Применение подхода Дж. Г. Кавелти позволяет классифицировать японское реинкарнационное фэнтези в качестве самостоятельной литературной формулы, базовыми компонентами которой являются следующие конвенции: 1) смерть персонажа; 2) перерождение персонажа; 3) переход в параллельный мир. На первый взгляд данное построение литературной формулы представляется излишне простым. Вместе с тем при более глубоком изучении становится понятно, что японское реинкарнационное фэнтези, в первую очередь, можно охарактеризовать как группу произведений со смешанным хронотопом, в которых главный герой перемещается из одного хронотопа в другой путем реинкарнации. При перемещении в той или иной степени он сохраняет воспоминания о прошлой жизни, начинает жизнь в новых необычных условиях, стремясь познать и обуздать новый мир, используя тайные знания прошлой жизни. При этом каждый автор произведений данного жанра изначально должен строго придерживаться конвенции и инвенции литературной формулы. Например, справедливым является суждение о том, что базовой причиной смерти главного героя является грузовой автомобиль, который сбивает его. Хотя главный герой также может не помнить причину своей смерти или погибнуть от удара ножом.

В случае, когда автор не знает или игнорирует существующие стандарты сюжета для данного типа произведений, а также не знаком с содержанием ранее написанных произведений, он рискует потерять новизну своего произведения. Причинами такого исхода может стать отсутствие ярко выраженных элементов, по которым одно произведение позитивно или негативно отличается от другого. Первые романы, созданные по определенной формуле, уже заложили основы читательских ожиданий, и с каждым новым романом рамки данной формулы становятся всё более ограниченными и конвенциональными. Зная эти рамки, автор японского реинкарнационного фэнтези вынужден сделать для себя сознательный выбор относительно способов и форм наполнения конвенций литературной формулы в своем произведении. Если автор решает, что смерть главного героя в завязке происходит определенным способом, то делает он это, скорее всего, преднамеренно, выбрав понравившийся или наиболее редко применяемый авторами подход к этому вопросу.

Рассмотрение реинкарнационного фэнтези с точки зрения рамочных компонентов произведения (название, предисловие, послесловие, завязка, концовка) дает возможность установить, что массовость японского реинкарнационного фэнтези, проявляющаяся через формульное построение и инвенциональную вариативность конвенций, приводит к тому, что авторы зачастую прибегают к схожим тактикам в своих произведениях или стремятся отойти от тактик других успешных романов.

В контексте подходов к изучению образа автора японского реинкарнационного фэнтези особого внимания заслуживает изучение вопроса об анонимном статусе писателей. Данный вид фэнтези в своём нынешнем виде зародился в Интернете на бесплатных сайтах, где пробуют свои силы начинающие писатели. Учитывая факт того, что даже писатели *ранобэ* по традиции стараются скрываться под псевдонимом, японские интернет-платформы художественных произведений, следуя принятой поведенческой норме, также вынуждают своих авторов скрываться под псевдонимами-никнеймами, максимально затрудняя возможность определения биографического образа автора. Примерами псевдонимов могут послужить такие пользовательские имена, как «РИФУДЗИН-НА-МАГО-НО-ТЭ» (с яп. «наглая спиночесалка», «спиночесалка» дословно переводится как «рука внука», но представляет собой особую палку с загнутыми на конце «пальцами» для чесания спины) или БАБА-ОКИНА (с яп. «почтенный старик с ипподрома»), или просто “У.А.”, что, как можно только предположить, является инициалами. Единственной возможностью узнать о личности автора произведения зачастую

являются *ранобэ*-версии романов, где некоторые писатели представляются аудитории, как это делает, например, БАБА-ОКИНА: «...существо, обитающее в регионе Канто. Лентяй, предпочитающий больше спать, чем есть 3 раза в день. Половина написанного в романе является откровениями, явившимися во сне (ложь)» [5, с. 1].

Знакомство с фигурой автора происходит уже на уровне названия произведения. Традиционные названия японского реинкарнационного фэнтези предельно четко описывают содержание текста и отражают стиль повествования. Так, название романа «КУМО ДЕСУ ГА, НАНИ КА» (с яп. «Да, я – паучиха, а что-то не так?») заранее подготавливает читателя к тому, что главным героем романа будет дерзкое паукообразное чудовище. Это проявляется в использовании конструкции N ДЕСУ ГА, НАНИ КА, которая является ответом на вопрос о сущности говорящего, с коннотациями показного удивления. Или ХАТИ-НАНТТЭ СОРЭ ВА НАЙ ДЭСЁ (с яп. «Неужели я – восьмой по счету сын?»), в котором чувствуются нотки удивленного смирения, не лишённого задорности. ТЭНСЭЙ-СИГАРА СУРАЙМУ ДАТТА КЭН (с яп. «Сказ о том, как я переродился в слизистое чудовище») – предельно информативное название, играющее на необычной завязке произведения – перерождении в слизистое чудовище. СУРАЙМУ ТАОСИТЭ 300-НЭН, СИРАНАЙ УТИ НИ РЭБЭРУ МАККУСУ НИ НАТТЭМАСИТА КЭН (с яп. «Сказ о том, как я незаметно для себя достигла максимального *левела* (подразумевается уровень персонажа в компьютерной игре, с прекоцепцией: чем выше уровень, тем сильнее персонаж. – К. К.), пока 300 лет уничтожала слизистых чудовищ»). Такое название произведения с употреблением *геймерской* лексики подготавливает читателя к следующим далее метаигровым элементам, а также элементам, содержащим дискурсивный смысл, например, когда героиня предвещается спокойной и беззаботной. Такие названия выстраивают первоначальную коммуникацию с потенциальным читателем и являются, в частности, характерной чертой и *ранобэ*. При этом, как правило, автор пытается привлечь внимание читателя, удивить его, заставить задуматься, смутить, показать себя в качестве «своего», «втереться» в доверие.

Подобные интенции также можно выявить, обратив внимание на сопровождающие текст авторские вставки. В веб-романах, в силу особенностей типа издания, автор может оставлять краткие отступления до и после текста произведения. Например, такие высказывания, как: «Спасибо за огромную поддержку! Так как впереди выходные, то перед сном я сегодня ещё раз дополнил текст!»; «В следующей главе ученица-дракон будет строить дом. Сердечное спасибо за добавление странички и выставление баллов произведению! Это меня очень мотивирует!» [7]; «У героя постоянно меняется манера речи по причине того, что сам герой не знает, как подойти к такой ситуации. Кстати, если призадуматься, то до сих пор не было появления героини. Но лучше будет сказать, что в ближайшее время это и не планируется» [9]. Такие комментарии демонстрируют стремление авторов японского реинкарнационного фэнтези презентовать себя под стать своей целевой аудитории, используя для этого отсылки к компьютерным играм, делясь своими переживаниями или планами по дальнейшей работе над произведением. Подобные отступления, написанные в задорной, шуточной и даже несколько фамильярной манере, рисуют образ «своего человека», погружённого в контекст культуры *отаку* (энтузиасты потребления продуктов массовой культуры: анимэ, компьютерных игр, манга), не лишённого человеческих эмоций и слабостей, автора, который не ставит свой статус выше по отношению к читателю, радуется хорошей погоде, вкусной еде, деликатесам.

Подобное отношение к коммуникационному акту автор – читатель часто встречается и в произведениях в формате *ранобэ*. В конце любого тома романа можно найти послесловие, в котором авторы произведений зачастую следуют стандартным формулировкам. За некоторыми исключениями послесловие начинается со слов приветствия, переходящих в удивление тому, как такому веб-роману, с тем или иным содержанием, удалось быть опубликованным (пройти цензуру) в престижном издании, посчастливилось получить внимание читателей, которые, несмотря ни на что, продолжают наслаждаться романом. Заканчивается послесловие словами благодарности издательству, редактору, иллюстраторам, читателям [5, с. 378-379]. Иногда встречаются общие комментарии автора относительно каких-то глобальных событий. Вместе с тем можно отметить тенденцию формализации послесловий.

Завязка произведений также помогает раскрыть образ автора. В японском реинкарнационном фэнтези завязка чаще всего связана со смертью главного героя в той или иной форме. В некоторых произведениях авторской инвенцией является отсутствие момента смерти – когда главное действующее лицо ставится лишь перед фактом перерождения, в других же смерть обыгрывается и служит исключительно сюжетобразующим компонентом. Например, когда ощущения от смерти выливаются в бессознательные желания главного героя, которые некие высшие силы решают удовлетворить при перерождении. Жжение ножевой раны при смерти может вылиться в невосприимчивость к огню как, например, к дыханию дракона. Впрочем, это характерно не для всех произведений. В некоторых смерть обыгрывается лишь как дань канону и выглядит, например, таким образом: «Главного героя сбил грузовик. Герой умер». Такую завязку можно даже считать модной, учитывая, насколько часто она встречается в контексте интернет-обсуждений данного типа произведений. Если пресловутая «смерть от переработки» (яп. каро:си) определенно сказывается на характере дальнейшего повествования, то смерть от грузовика особой смысловой нагрузки не несёт. Возможно, это дань традиции или утилитарный инструмент автора, который служит показателем того, что автор пренебрег формульным компонентом в угоду чего-либо другого, например, описания дружбы и приключений, которые только и ждут героя за порогом смерти.

Иными словами, автор, знакомый с канонами жанра, вынужден запланировать инвенцию: явно ли умрёт персонаж, умрёт ли персонаж в ходе повествования, будут ли этому сопутствовать какие-либо условия, например, кармического характера, которые впоследствии будут связаны с художественными мотивами произведения. Предал ли герой друга, нужно ли будет ему отработать свой грех, а если герой был без вины, то могут ли с ним произойти неоправданные несчастья? Какой эмоциональный багаж вынесет из прошлой

жизни главный герой в новую жизнь и как это проявится в его поведении? Формульная сущность реинкарнационного фэнтези ставит эти вопросы перед каждым автором, и эти вопросы разрешаются только его волевым решением. Данное волевое решение, впрочем, зачастую сводится лишь к описанию бытовых реалий японской жизни, воспринятых со стороны: эскапизм, работа, тунеядство, отсутствие личной жизни.

Под стать этим реалиям тремя ключевыми конвенциями японского реинкарнационного фэнтези являются: «жизнь – компьютерная игра», «маленькая Япония в иномирье», «профессия – смысл жизни». Так, в ряде произведений, под стать компьютерным играм, описание главного героя сводится не только к внешности, но и к цифровым репрезентациям его физической удачи, волшебной мощи, удаче. Чем больше герой уничтожает своих противников или повторяет те или иные действия, тем выше становятся показатели. Это превращает не только чтение, но и написание романа в некую игру растущих цифр.

Кроме этого, рано или поздно автор задумывается о том, как главный герой познает и преобразует окружающий мир, делает его более привычным. В японских реинкарнационных романах это означает, что главный герой неожиданно для обитателей иного мира начинает привносить толику японского быта в существующий уклад жизни. Зачастую это проявляется в готовке суси, «изобретении» соевого соуса, воздвижении ориентальной архитектуры, шитье кимоно, ковке японских мечей, принятии японских офуро (бытовой прием вечерних ванн) и походов в отстроенный героем онсэн (с яп. – горячий источник). В этом заключается национальный характер японских реинкарнационных романов, в которых японец, попавший в иной мир, хочет оставаться японцем и старается непременно окружить себя знаками японской культуры.

Подобное проявление смешанного хронотопа также наблюдается в применении автором профессии героя до реинкарнации. Так, если герой был программистом и любил конструировать ГАН-ПУРА (модели роботов-гандамов из пластика), то в следующей жизни он использует эти знания для того, чтобы строить волшебных роботов. Например, менеджер применяет свой рациональный подход к управлению; бухгалтер начинает основывать банки, внедрять современные достижения бухгалтерского учета; энтузиаст потребления продуктов массовой культуры – *отаку* начинает при помощи магии мастерить женские фигурки из глины, проявлять глубокие познания о фэнтезийных клише. В остальном сюжетная линия произведений в основном предопределена особенностями жанра фэнтези, хотя автор и определяет, когда и как задействовать те или иные заведомо известные элементы повествования: конфликты с демонами, конфликты с богами, конфликты с государством, церковью.

Следует отметить, что эпичность романов и их сериализация не каждому автору позволяют завершить произведение, в связи с чем исследование концовок представляется затруднительным. В конце концов, имеется спрос, который можно наблюдать по продажам и количеству произведений в интернет-магазинах, разговорах твиттер-обывателей и знаменитостей. Так, реинкарнационное фэнтези приближено к открытой сюжетной структуре настолько, насколько этого пожелает автор. Впрочем, некоторые романы, стоявшие у истоков литературной формулы, получили свою концовку. Среди этих концовок можно выделить наиболее характерные: главный герой умер во второй раз (иногда окончательный); «и жили они долго и счастливо»; продолжение возможно последует. Окончательное суждение по концовкам произведений японского реинкарнационного фэнтези будет возможно лишь в будущем, когда их выборка станет более репрезентативной.

Помимо этого, следует добавить также факт того, что от воли автора в произведении зависит не всё. Когда роман входит в среду *медиамикс*, то наряду с автором на передний план выходят фигуры редактора, иллюстратора и стоящего за ними издательства. В то время как иллюстратор привносит в произведение визуальный компонент, от редактора зависит и сам текст произведения. Например, веб-роман «Военные хроники маленькой девочки» на протяжении сотни-другой глав не имеет женских персонажей, кроме главной героини Тани Дегуршафф, однако в *ранобэ*-версии одного из второстепенных персонажей замещает «впечатлительная девушка», роль которой заключается в том, чтобы восхищаться главной героиней со стороны, быть обычным человеком, а также иметь большой потенциал привлечения аудитории при показе экранизаций на большом и малом экранах [6]. Влияние редактора также подтверждается информацией, которой авторы делятся в послесловиях *ранобэ*, например, в ТЭНСЭЙ-СИТАРА СУРАЙМУ ДАТТА КЭН автор рассказывает что «некий редактор Н» был долгое время категорически против привнесения в роман цифровой визуализации боевой силы героя в подражание компьютерным играм [10, с. 529-530].

Таким образом, мы приходим к **выводам** о том, что в определении образа автора японского реинкарнационного романа ключевую роль имеют своеобразные правила и «условия игры», которые установлены для создателей такого типа современной массовой литературы. Культурной средой существования японского реинкарнационного фэнтези является *медиамикс*, представляющий собой различные медиаформаты, в которых японские веб-романы реализуются (анимэ, манга, компьютерные игры). Анализ сюжетных конвенций, а также рамочных компонентов произведений позволяет раскрыть образ автора в контексте анонимности и растущей конвенциональности композиции произведений. Во внетекстовых вставках веб-романов автор предстает в образе начинающего неопытного писателя, обыкновенного виртуального японца, знающего японскую культуру с позиций *отаку*. Формульная модель структуры веб-романов позволяет рассмотреть образ автора с точки зрения принятия им авторских решений в отношении инвенционального наполнения общепринятых в японском фэнтези конвенций. В сочетании с конвенцией «маленькая Япония» это отражает его тенденцию к самоидентификации на национальном и личном уровнях.

Дальнейшее изучение вопроса связано с исследованием проблематики анонимности автора в современной японской литературе, а также в литературе стран Юго-Восточной Азии. В рамках данного исследования представляется перспективным сравнительное исследование родственных литературных процессов фэнтези Китая и Южной Кореи.

Список источников

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 6-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2016. 610 с.
2. Широкова И. А. Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). С. 103-106.
3. Cawelti J. G. The Concept of Formula in the Study of Popular Literature // Popular Culture. Production and Consumption. Oxford: Blackwell Publishing, 2001. P. 203-209.
4. Stougaard-Nielsen J. The author in literary theory and theories of literature // The Cambridge Handbook of Literary Authorship. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 270-287.
5. 馬場 翁. 蜘蛛ですが、なにか? 東京, 出版社: Kadokawa Books, 2015. Vol. 1. 379 p. (Баба-окина. Да, я – паучиха, а что-то не так? Токио: Kadokawa Books, 2015. 379 с.).
6. カルロ・ゼン. 幼女戦記 (Карло Дзэн. Военные хроники маленькой девочки) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mai-net.net/bbs/sst/sst.php?act=dump&cate=tiraura&all=24734&n=100> (дата обращения: 28.10.2020).
7. 森田季節. スライム倒して300年、知らないうちにレベルMAXになってました (Морита Кисэцу. Сказ о том, как я незаметно для себя достигла максимального левела, пока 300 лет уничтожала слизистых чудовищ) [Электронный ресурс]. URL: <https://ncode.syosetu.com/n4483dj/> (дата обращения: 28.10.2020).
8. 泉子 K. メイナード. 「ライトノベル表現論 (会話・創造・遊びのディスコースの考察)」. 東京, 出版社: 明治書院, 2012. 368 p. (Сэнко К. Майнард. О выражениях райто-нобэру (диалог, композиция, изучение дискурса игры). Токио: Мэйдзи Сэин, 2012. 368 с.).
9. 伏瀬 転生したらスライムだった件 (Фусэ. Сказ о том, как я переродился в слизистое чудовище) [Электронный ресурс]. URL: <https://ncode.syosetu.com/n6316bn/> (дата обращения: 28.10.2020).
10. 伏瀬 転生したらスライムだった件. 東京, 出版社: マイクロマガジン社. 2020. Vol. 16. 531 p. (Фусэ. Сказ о том, как я переродился в слизистое чудовище. Токио: Майкуро-магазин-ся, 2018. Т. 16. 531 с.).

Author's Image Representation in Frame Components and Conventions of the Japanese Reincarnation Fantasy

Kovlekov Kirill Ivanovich

Lomonosov Moscow State University

aevin.laelist@gmail.com

The paper aims to reveal the author's image in the Japanese reincarnation fantasy – the literary genre of the early 2010s that originated as web novels and achieved high popularity in the Japanese mass culture. Frame components of literary works and their basic conventions are considered taking into account the author's image representation. Scientific originality of the study lies in the fact that analysing frame components and conventions, the researcher highlights the image of an anonymous author of the modern Japanese fantasy. The research findings are as follows: specificity of the author's image representation in the Japanese reincarnation fantasy is revealed. The identified peculiarities represent the tendency for self-identification both at the national and personal levels.

Key words and phrases: author's image; symbolic literature; Japanese reincarnation fantasy; web novel.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.18>

Дата поступления рукописи: 05.10.2020

Целью исследования является создание стилевой модели современной западной публицистики на примере нарративных матриц Жана Бодрийяра и Джулиана Барнса. Научная новизна работы основана на различии категорий «событие рассказывания» и «наррация» в контексте демаркации стилевых моделей. Впервые сопоставлены модели иронического повествования Бодрийяра и Барнса, репрезентирующие постмодернистскую стилевую модель. Полученные результаты показали, что разграничение фактуальности и фикциональности в матрице публицистического стиля позволяет точнее охарактеризовать влияние медийных канонов на публицистику писателей. Результаты анализа текстов позволяют установить границы между фикциональными и документальными зонами повествования.

Ключевые слова и фразы: нарративные стратегии; Дж. Барнс; Ж. Бодрийяр; иронический модус; «нон-фикшн».

Хаджиева Лейла Лечевна, к. филол. н.

Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный

lunab677@mail.ru

Изучение поэтики западных публицистов в контексте медийных нарративных стратегий (на материале статей и эссе Ж. Бодрийяра и Дж. Барнса)

Актуальность изучения поэтики публицистики, стиля и языка авторов документальной прозы («нон-фикшн») определяется резким расширением сферы «около-художественного» письма, возрастанием числа